

A $\frac{263}{1245}$

~13-18

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

съ приложеніемъ портрета автора, его біографіи, написанной П. А. Плетневымъ, примѣчаній, составленныхъ по В. Θ. Кеневичу, и пяти этюдовъ о басняхъ Крылова П. Смирновскаго. 332 страницы, 1897 года. Цѣна 1 руб.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія рекомендованы въ качествѣ пособія при изученіи басенъ Крылова въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и для ученическихъ библіотекъ этихъ заведеній, а также для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ и для бесплатныхъ народныхъ библіотекъ и читалень.

Оглавленіе: Біографія Крылова (написанная П. А. Плетневымъ). Очеркъ дѣятельности Крылова до 1808 г. (П. Смирновскаго). Басни Крылова. Примѣчанія въ баснямъ (по В. Θ. Кеневичу). Объясненіе нѣкоторыхъ словъ, встрѣчающихся въ басняхъ Крылова (П. Смирновскаго). Имена и образы, заимствованные изъ классической древности (П. Смирновскаго). Степень оригинальности басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Историческое и общечеловѣческое значеніе басенъ Крылова (П. Смирновскаго). Народность басенъ Крылова (П. С.). Художественность басенъ Крылова (П. С.). Алфавитный списокъ басенъ Крылова съ указаніемъ страницъ.

Тоже, удешевленное изданіе для школъ и народа съ 75-ю гравированными рисунками, съ портретомъ автора и его біографіей. М. 1898 г., изд. 2-е, цѣна въ бумаж. 15 к., въ папѣ 20 к. и въ холстѣ 35 к.

ГДѢ НА РУСИ КАКОЙ НАРОДЪ ЖИВЕТЪ И ЧѢМЪ
ПРОМЫШЛЯЕТЪ.

R 284
305 [15]

СТЕПИ.

ВОЛЪНЫЯ ПТИЦЫ.

263 ЦЫГАНЕ.

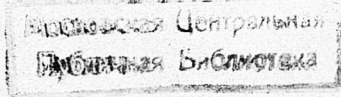
1245 (ФАРАОНОВО ПЛЕМЯ).

(ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА).

Составленное по книгамъ: Кенпена, Скальковскаго, Патканова
и другихъ.

Н. Н. Александровичъ.

Цѣна 10 коп.

МОСКВА.

Изданіе книгопродавца А. Я. Панафидина.

Покровка, Лялинъ пер., соб. домъ № 11 и 13.

1901.

Дозволено цензурою. Москва, — января 1901 года.

921405-37

16100

СТЕПИ.

Вольныя птицы.

Цыгане.

(Фараоново племя).

Какъ вольность веселѣи^хь ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.

„Цыгане“ *А. Пушкинъ.*

Мы живемъ среди полей
И лѣсовъ дремучихъ;
Но счастливѣй веселѣи^х
Всѣхъ вельможъ могучихъ.

Цыганская пѣсня.

Кто они, откуда, гдѣ ихъ родина, отечество, какая ихъ религія, чѣмъ они живутъ, чѣмъ занимаются и наконецъ, какъ ихъ зовутъ или называютъ?

На все это не только никто изъ знающихъ людей, но и сами они ничего не могутъ отвѣтить.

На послѣдній вопросъ они скажутъ одно: «Мы романы; то есть мы дѣти жены». Самое распространенное-же названіе среди европейцевъ,—это «*цыгане*»; другое-же извѣстное въ западной Европѣ происходитъ отъ имени *Египта*

(фараонское племя), за выходцевъ изъ котораго выдавали себя первые цыгане, проникшіе въ Европу. Англичане зовутъ ихъ *Глэси*, Испанцы и Португальцы *Гитано*, Венгерцы—Фараоновъ народъ и пр. У Французовъ они извѣстны подъ именемъ—*богеми*, такъ какъ первые цыгане, появившіеся во Франціи, были изъ Бельгіи, въ разныхъ-же мѣстахъ Германіи, Швеціи и Даніи ихъ зовутъ *татарами*, а въ Нидерландахъ,—язычниками. Кромѣ того есть не мало названій, указывающихъ на ихъ занятія и ремесло, а также и на ихъ образъ жизни. Въ Шотландіи, напримѣръ, ихъ называютъ—лудильщиками, а не то и бродягами, персіяне и армяне зовутъ ихъ—*рѣшетниками* (они искусно работаютъ сита и рѣшета), и т. п.

Долго занималъ всѣхъ вопросъ объ ихъ родинѣ,—откуда они, гдѣ ихъ отечество? И тутъ явилось множество предположеній.

При первомъ своемъ появленіи въ Европѣ, они выдавали себя за выходцевъ изъ Малаго Египта. Прежде всего въ 1417 г., осенью; внезапно появилась у воротъ одного германскаго города тоже изъ 300 странниковъ «черныхъ какъ татары и называвшими себя «Секани». Въ главѣ ихъ ѣхали герцогъ и графъ, въ роскошныхъ костюмахъ, ведя съ собою, по обычаю знатныхъ лицъ, охотничьихъ собакъ. За ними шла пѣшкомъ пестрая толпа въ лохмотьяхъ, прикрытыхъ поношенными пла-

щами яркихъ цвѣтовъ. Позади всѣхъ ѣхали женщины и дѣти въ телѣгахъ, запряженныхъ ослами и мулами».

Начальству посѣщаемыхъ городовъ, представляли они между прочимъ охранную грамоту императора Сигизмунда, въ которой говорилось, что на нихъ—цыганахъ наложено епископами покаяніе. Странствовать семь лѣтъ въ искупленіе отпаденія предковъ ихъ отъ христіанской вѣры; и затѣмъ повелѣвалось всѣмъ добрымъ подданнымъ Священной Римской Имперіи оказывать упомянутымъ герцогамъ съ ихъ народомъ пріемъ и содѣйствіе. Изъ перваго города онъ отправился по разнымъ другимъ германскимъ городамъ, останавливаясь ночью за стѣнами городовъ, а днемъ, производя кражи въ домахъ и лавкахъ, за что нѣсколько человѣкъ и было повѣшено. Въ 1418 г., то есть, спустя годъ, они спустились южнее, шесть дней стояли подъ теперешнимъ швейцарскимъ городомъ Цюрихомъ, возбуждая сочувствіе народа своимъ жалкимъ видомъ и скорбными рассказами о наложенномъ на нихъ покаяніи. Здѣсь они платили щедро золотою монетою за все, что потребляли. Отсюда они раздѣлились на два табора: одинъ направился опять-таки въ Германію, другой-же во Францію, гдѣ испуганные жители одного города вынесли имъ сто хлѣбовъ.

Въ исторіи одного итальянскаго города говорится, что «сотня исхудалыхъ, черныхъ,

гнушенныхъ египтянъ, прибыли въ городъ подѣ предводительствомъ герцога Андрея, котораго многіе посѣщали ради его жены, волшебницы, которая умѣла предсказывать будущее и угадывать настоящее положеніе каждаго; сколько у кого дѣтей, хороша-ли чья жена и пр. Что она говорила, большею частью оказалось правдою. Между тѣмъ кражи въ городѣ усилились и городскія власти подѣ страхомъ наказанія запретили жителямъ имѣть съ цыганами какія-либо сношенія.

Увидя, что нельзя болѣе красть, они пошли въ Римъ. Что они дѣлали въ Римѣ и долго ли въ немъ гостили, неизвѣстно, но въ послѣдствіи они вездѣ повсюду показывали папскую грамоту, въ подлинности которой не было причинъ сомнѣваться. Затѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ бродячая шайка показывается въ разныхъ мѣстахъ Европы.

Эту первую толпу цыганъ слѣдуетъ считать только развѣдчиками, общее-же движеніе цыганскаго народа на западъ необходимо признать вмѣстѣ съ появленіемъ изъ Малой Азіи турокъ цыгане шли впереди ихъ, какъ шпіоны, или соглядатаи и развѣдчики; а турки считались тогда грозой христіанскаго мира. Какъ цыгане нахлынули на Европу съ Балканскаго полуострова, такъ равно они явились оттуда-же и въ Россію, и прежде всего явились въ самомъ началѣ XVI вѣка въ Волыни; теперь-же они ночуютъ главнымъ образомъ въ степяхъ

Бессарабіи, сосѣдней съ Румыніей, въ которой они зимуютъ въ своихъ *бурдеяхъ*, вырытыхъ въ землѣ и покрытыхъ камышемъ и землей; ночуютъ они также и по всѣмъ степямъ Новородіи, въ землѣ Войска Донскаго, а также въ Крыму и за Кавказомъ.

На вопросъ — какая ихъ религія? надо отвѣтить тоже, что и первый вопросъ, то есть сказать — никакой, такъ какъ они исповѣдуютъ религію того народа, гдѣ живутъ.

Однимъ словомъ этотъ народъ безъ религіи, безъ отечества и безъ законовъ. Не владея во всѣмъ мірѣ никакимъ клочкомъ земли, они вездѣ чувствуютъ себя какъ дома. Цыганъ равнодушный къ богатству городовъ, къ удобствамъ и роскоши ихъ жителей, — онъ проситъ одного — дозволенія жить на свободѣ съ природой отъ людскихъ жилищъ, подъ убогимъ покровомъ своихъ шатровъ и шалашей, едва защищающихъ его отъ пронзительнаго холода зимы и отъ палящаго зноя лѣтомъ.

Проситъ онъ такимъ образомъ весьма немногаго, или того, въ чемъ ему и отказать не могутъ и что одинаково принадлежитъ всѣмъ людямъ и даже всякому животному.

Но вѣдь онъ тѣмъ не менѣе она *птица небесная*, которая не сѣетъ, не жнетъ и не собираетъ въ житницу, — а между тѣмъ онъ также хочетъ питаться; и вотъ отсюда то происходитъ вся бѣда для цыганъ. Они пустились на

воровство, обманъ, грабежъ, и вслѣдствіе того цыганъ отовсюду гнали, вездѣ ихъ презирали, преслѣдовали; ихъ жгли, вѣшали и казнили. Какъ только они гдѣ являлись въ Европѣ, повсюду слѣдовали запреты впускать ихъ въ предѣлы Государства. Часто даже не считали ихъ людьми; травили и убивали какъ дикихъ звѣрей. По распоряженію Карла VI въ Моравіи взрослые цыгане должны были быть казнены висѣлицей, а мальчикамъ ниже 18 лѣтъ и взрослымъ женщинамъ приказано было въ Богеміи отрѣзать правое, а въ Моравіи и Силезіи лѣвое ухо. По приказанію прусскаго короля Вильгельма I было сказано: цыгане обоюго пола выше 18 лѣтъ, захваченные въ прусскихъ владѣніяхъ, хотя бы они передъ тѣмъ были наказаны розгами и клеймомъ и могли представить узаконенные властями паспорты должны быть безъ всякаго милосердія казнены на висѣлицѣ. И болѣе трехъ столѣтій свирѣпствовали противъ цыганъ такіе нечеловѣческіе законы. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія безчеловѣчныя мѣры противъ нихъ были въ полной силѣ. Къ нимъ примѣнялись: висѣли, топоръ, огонь и другія казни. Многіе изъ цыганъ особенно женщины, являлись къ властямъ и просили сжечь ихъ и положить тѣмъ конецъ ихъ бѣдственному существованію. При одномъ нѣмецкомъ дворѣ во время охоты убили выстрѣломъ изъ охотничьяго ружья безъ всякаго стѣсненія цыганку и ребенка, котораго она кормила.

И все это единственно потому, что цыгане хотѣли жить, какъ *вольныя птицы* и не хотѣли ни сѣять, ни жать и не собирать житницъ. Поэтому, какъ мы только что и сказали, они и занялись обманомъ, воровствомъ, грабежемъ и мошенничествомъ. А потому и населенія европейскихъ государствъ завопили, но они не смотря ни на что, и даже на всякія мученія и преслѣдованія, продолжали заниматься бродяжничествомъ, питались подаяніемъ, а также обманами и воровствомъ. Населенія послѣ такого упорства стали дѣйствовать даже усерднѣе властей. Для защиты своихъ селеній и своего добра, крестьяне вооружились и образовали всеобщую травлю цыганъ. Неизвѣстно сколько въ это время было повѣшено цыганъ, сколько отправлено на галеры (каторга), сколько дѣтей и женщинъ брошено въ подземныя тюрьмы. Въ 1802 г. большая часть ихъ была схвачена облавой, посажена на суда и высажена на берега Африки. Вездѣ въ Европѣ говорили: «Убить цыгана выстрѣломъ изъ карабина было столь-же законное дѣло, какъ убить волка или лисицу. И все это опять-таки потому, что они *вольныя птицы*. О нихъ говаривали: воровство свойственно натурѣ цыгана, какъ ядъ—жабѣ. Цыганъ боится труда, какъ бѣшеная собака воды». Но мало всего этого цыганъ обвиняють даже въ людоедствѣ. Въ Венгріи будто бы было съѣдено ими двадцать три человѣка, въ чемъ

цыгане подъ пыткой и сознались, и двое изъ нихъ были четвертованы, четыре—колесованы, а повѣшенныхъ и убитыхъ было множество—(имъ рубили головы).

Такія безчеловѣчныя истязанія цыганскаго народа продержались повсюду въ Европѣ нѣсколько столѣтій; и, вотъ, одинъ венгерскій палатинъ въ 1616 г. наконецъ заговорилъ божескимъ языкомъ. Онъ издалъ охранную грамоту, въ которой взывалъ слѣдующее: «У птицъ небесныхъ есть свои гнѣзда, у лисицъ—норы, у волковъ—логовища, одинъ только бѣдный цыганскій народъ по прежнему ведетъ свою жалкую жизнь на поляхъ и лугахъ, укрываясь въ шалахахъ вдали отъ всякаго чело-вѣческаго жилья. Старики и дѣти, юноши и младенцы вынуждены переносить и холодъ, и зной, и сильные ливни, не имѣя ни крова ни защиты».

Въ Россіи цыганамъ жилось вполне привольно; законодательныя мѣры относительно ихъ были крайне слабыя; ихъ сравнивали почти со всѣми подданными. Въ 1783 г. предложено было никуда еще не приписанныхъ цыганъ положить въ равной съ прочими крестьянами окладъ, съ тѣмъ чтобы всѣ они были посланы въ удобныхъ и приличныхъ мѣстахъ и праздно нигдѣ не шатались; въ Россіи, напротивъ, законодательство старалось слить цыганъ съ мѣстнымъ населеніемъ, сдѣлать ихъ осѣдлыми, и въ Россіи никогда не издавались,

какъ въ Европѣ, законы объ ихъ преслѣдованіи и изгнаніи. Русскому правительству стоило также не мало денегъ его желаніе—сдѣлать ихъ осѣдлыми. Въ Бессарабіи было поселено ихъ двѣ колоніи съ немалымъ надѣломъ земли. Для нихъ были выстроены избы, ихъ снабдили земледѣльческими орудіями и необходимымъ для обработки земли скотомъ.

Но что-же изъ этого вышло?

При первомъ-же наступленіи весны, цыгане побросали свои жилища и отправились странствовать со своими шатрами, перекочевывая съ мѣста на мѣсто и останавливаясь вблизи молдавскихъ поселеній, въ виду мѣстечекъ и городовъ, изъ которыхъ они всегда извлекали пользу своими занятіями. Немногіе изъ нихъ, оставшіеся въ колоніяхъ, поразбивали вблизи своихъ избъ шатры, въ которыхъ и оставались до глубокой осени. Возвратившіеся-же въ свои колоніи продавали рабочій скотъ, земледѣльческія орудія и признали все это излишнимъ и для себя совершенно ненужнымъ.

Въ походныхъ шатрахъ и въ телѣгахъ проходитъ такимъ образомъ вся кочевая жизнь цыгана, онъ нигдѣ не останавливается на долго и даже на нѣсколько дней, кромѣ ярмарки; онъ передвигается съ мѣста на мѣсто на небольшія разстоянія; обыкновенно отъ села къ селу, и много-много отъ одного мѣстечка или города до другаго.

Въ шатрѣ у него вы увидите все то же, что и въ землянкѣ, или въ *бурдеи*. Картина одна и таже повсюду: за камелькомъ, надъ которымъ на треножникѣ виситъ котелокъ, сидитъ обыкновенно на корточкахъ полунагой сѣдой старикъ съ обнаженной, покрытой густо щетинистыми волосами, темной грудью; подбородокъ и щеки у него тоже въ щетинистыхъ волосахъ; ни щеки, ни подбородокъ не бриты; сѣдые волосы, спутанные космами висятъ до плечъ, и только длинные, толстые усы придаютъ нѣкоторый благообразный видъ его лицу или его фizioноміи. Возлѣ этого старика, также съ растрепанными космами сѣдыхъ волосъ, выбившихся изъ-подъ головной повязки или платка, безобразныя и на видъ даже страшныя старухи; рядомъ же съ ними матроны—цыганки съ бумазейными или драдемамовыми платками на головахъ, повязанныхъ вокругъ на подобіе чалмы съ оставленнымъ сзади однимъ концомъ, или же повязанныхъ,—что, впрочемъ, больше всего мы видимъ у старухъ, полотенцами, которыя обматываются вокругъ лица, и лицо, обмотанное такимъ образомъ кажется точно вставленное въ раму, или обрамленное свернутымъ полотенцемъ. Тутъ-же между всѣми выглядываютъ и красавицы—дѣвушки, глазки которыхъ горятъ какъ угольки и искрятся огнемъ дикой страсти и томительной нѣги. На нихъ на всѣхъ простыя, незастегнутыя никогда на во-

ротъ, рубахи; вмѣсто юбокъ,—полосатый шерстяной передникъ, тѣсно охватывающій переднюю и нижнюю часть тѣла, передникъ же стягивается краснымъ или зеленымъ поясомъ. Что-же касается украшеній, то на каждой цыганкѣ надѣто все, что она какъ-нибудь могла пріобрѣсти,—украшенія, это ея страсть: у каждой цыганки непременно большія кольцообразныя серьги въ ушахъ, а на пальцахъ множество перстней, а на шеѣ безчисленное количество ожерельевъ изъ разноцвѣтнаго стекляруса, янтаря, раковинъ, и тутъ-же всевозможные омулеты, какъ черепъ и крылья нетопыря (летучей мыши), змѣиныя головки, ладонки съ разными травами, приворотными корешками и тому подобной всякой дребеденью, которую цыгане считаютъ особыми драгоценностями и о каждомъ изъ нихъ существуетъ какое-либо особое таинственное преданіе.

Красавицы-дѣвушки бойкія, шаловливыя и къ нимъ цыгане относятся болѣе или менѣе ласково, но женщинъ они презираютъ и къ чему только женщина ни прикоснется ногой, или даже одеждой, то считается оскверненнымъ; только еще старухи пользуются у нихъ нѣкоторымъ уваженіемъ и ихъ даже слушаютъ со вниманіемъ.

Непривычному человѣку все-таки жутко всегда станетъ при взглядѣ на цыганскій таборъ. Всѣ люди вокругъ васъ грязные, не-

ряшливые, оборванные, босоногіе, съ рѣзкою гортанною рѣчью, пересыпающеюся ругательствами, всѣ съ порывистыми движеніями;— люди смѣлые до дерзости, неотзывчивые до нахальства, зорко высматривающіе гдѣ-бы что стянуть, кого бы обмануть и. тому подобное.

Крикъ, шумъ, гвалтъ не прерываются ни на минуту; иногда раздается глухой звукъ наковальни; и какъ лѣтомъ это толпа людей толчется среди слякоти въ удушливой атмосферѣ закрытыхъ бурдей, или въ копотѣ и дымѣ шатровъ. Иные цыгане валяются на грязномъ полу, покрытомъ кое-какой истрепанной рогожей, иные лѣзутъ къ костру; и около него протягивается множество рукъ, выгребаящихъ изъ золы печеную картофель. Все наго, голодно и все беззащитно до послѣдней степени. Чувство совѣсти и стыда для нихъ незнакомо; повинovenія они не признаютъ; не только не оказываютъ никакого почтенія родителямъ, а дѣти стыдятся даже подчиниться въ чемъ-либо матери, да и голосъ матери въ ихъ глазахъ не имѣетъ никакого значенія.

Если вы и замѣтите какое либо подчиненіе, то-есть, если цыгане и слушаютъ кого либо въ своихъ дѣяніяхъ и дѣйствіяхъ, такъ это одного *старосту*, или *вожака* табора; и то въ чемъ слушаютъ? Вожакъ распредѣляетъ, когда и гдѣ быть табору во дни приходскихъ деревенскихъ праздниковъ, въ дни сельскихъ

ярмарокъ; распредѣляетъ затѣмъ, собравши таборъ у костра, кому и зачѣмъ на слѣдующій день идти по ярмаркѣ, или деревнѣ; у него всѣ свѣдѣнія собраны уже заранѣе. Цыгане же при перекочевкахъ прежде всего стараются проникнуть въ домашній бытъ обывателей, узнать ихъ характеръ, слабости, даже семейныя отношенія; и при самыхъ гаданьяхъ они незамѣтно для гадающихъ, выпытываютъ всѣ главныя свѣдѣнія; даже и не при однѣхъ гаданьяхъ, но и при танцахъ, и, показывая разныя фокусы, они увлекаютъ окружающихъ ротозѣевъ, и тутъ-же не забывая своего главнаго дѣла, внимательно высматриваютъ и подмѣчаютъ все, что имъ можетъ пригодиться.

Такъ, напримѣръ, у одного мужика пропали все лошади. Купить одну—лошадь падаетъ, купить другую,—захромаетъ, покупаетъ третью—и съ той тоже несчастье, съ четвертой опять какая либо случится бѣда.

И долго терпѣлъ несчастный мужикъ, а въ крестьянскомъ быту безъ лошади, что безъ хлѣба. И мужикъ чуть не завылъ на всю деревню; но, вдругъ, какъ то разъ входитъ къ нему цыганка и говорить:

— Здравствуйте добрые люди!..

— Здравствуй!—отвѣчаетъ мужикъ и вся его, обрадовавшаяся приходу гадалки-цыганки, семья.

— Ай, въ наши мѣста прибыли? спрашиваетъ мужикъ.

— Да! извѣстна наша жизнь бродячая: нынче тутъ, завтра тамъ... Ну, какъ живете можете?—спрашиваетъ она въ свою очередь,

— И не говори лучше про наше житье горемычное!—вздыхаетъ мужикъ.

— Знаю, знаю!—прерываетъ его сразу цыганка,—все ваше горе знаю... Какъ только вошла въ вашу избѣ, сейчасъ-же вижу, что дѣло не ладно... Хотите гнѣвайтесь, хотите нѣтъ, а у васъ въ домѣ нечисто; у васъ есть злодѣй,—крѣпкій, сильный злодѣй; отъ него вы и страдаете...

— Да, что-же? сталъ онъ нашихъ лошадей изводить...

— А я-жъ про что толкую? Извѣстно, кромѣ его некому... Это его штуки!—воскликаетъ цыганка,

— Какая тутъ, родимая, штука, когда ужъ мы, почитай, совсѣмъ въ конецъ разорились! Дошло до того, хоть по міру иди!..

— Зачѣмъ по міру? Это дѣло такое, что его можно и уладить.

— Да какъ ты уладишь, когда, вотъ уже сколько годовъ, падежъ; ни одной лошади на дворѣ не удержишь. И чѣмъ-чѣмъ мы ихъ ни лечили! Сколько денегъ, угощенья да подарковъ положили на разныхъ коноваловъ, ворожей, да знахарей, а толку все нѣтъ, какъ нѣтъ!..

— Нашли кому вѣрить! нашли на кого положить!... Да развѣ злодѣя изживешь какимъ ле-

карствомъ и прочими снадобьями? Коновалы-то эти да знахари только и желали, что-бы изъ васъ что высосать, да руки около вашего добра погрѣть! Вѣдь сами видите, что они для васъ, ничего полезнаго и хорошаго не сдѣлали... Ровно ничего; надули и покинули васъ! А вы лучше послушайте моего совѣта. Я вижу вы люди простые, добрые... Жаль мнѣ васъ!.. Повѣрите, худа вамъ не пожелаю и не нужно мнѣ отъ васъ ничего, никакой то есть благодарности... Слушайте-же, лошадокъ вашихъ изводить вашъ злодѣй—объ этомъ и толковать нечего...

— Да, какой-же онъ такой,—этотъ злодѣй?..

— Я вамъ, пожалуй, если хотите, покажу его...

— Покажи, голубушка, сдѣлай милость покажи!..

— Дайте мнѣ свѣжее куриное яйцо.

Яйцо дали, цыганка отвернулась къ стѣнѣ, что-то пошептала, и, затѣмъ обернувшись, яйцо немного разбила, а потомъ, держа его между пальцами противъ свѣта и указывая на яйцо, гдѣ было что-то черное на подобіе жука, шепотомъ, оглядываясь вокругъ, проговорила:

— Видите?..

— Какъ не видать, отвѣтили всѣ разомъ, любопытствующіе вокругъ, хозяева,—тамъ въ яйцѣ словно жукъ какой-то сидитъ.

— Тотъ жукъ,—опять таки шепотомъ и
Степи. Цыгане.

оглядываясь, продолжала цыганка,—это не жукъ, а тотъ самый злодѣй-то и есть вашъ. Вотъ его-то теперь и нужно самого извести,—тогда и лошадки будутъ у васъ водиться...

— А, а какже ты его изведешь?—спрашиваютъ недоумѣлые хозяева,

— Ужъ я знаю какъ, только дѣлайте все то, что я буду говорить. Согласны?.. говорить, лукаво озираясь, цыганка.

— Согласны,—отвѣчаютъ бѣдные люди.

— Ну, вотъ что,—таинственно заявляетъ цыганка,—этому вашему нужно голову отрубить... Для этого дайте мнѣ хорошій, какой поновѣе топоръ. А чтобы заманить злодѣя, подайте мнѣ кусочекъ хлѣба, да рублевую бумажку, да махотку свѣжаго коровьяго масла и чистое бѣлое полотенце. Вы не сомнѣвайтесь: я сказала, что себѣ ничего не возьму, что нужно только заманить злодѣя тѣмъ, что онъ любить, а тамъ я ужъ съ нимъ справлюсь, какъ слѣдуетъ...

Получивъ требуемое, цыганка положила на столъ топоръ, махотку съ масломъ, яйцо, и покрыла все полотенцемъ. рублевую же бумажку закатала въ хлѣбъ, а затѣмъ обратившись къ хозяевамъ, сказала: безъ молитвы тутъ ничего не подѣлаешь. Всѣ вы должны сей часъ-же молиться, но молиться надо такъ лягте всѣ лицомъ къ землѣ и не вставайте до тѣхъ поръ, пока я не скажу. Молитву я начну вмѣстѣ съ вами, а затѣмъ выйду въ

сьни и тамъ стану черезъ трубу его вызы-
вать...

Всѣ хозяева съ дѣтьми прильнули къ зем-
лѣ, а цыганка спрашиваетъ:

— Легли?

— Легли, —отвѣчаютъ.

— Всѣ легли, какъ я велѣла, и никто
не высматриваетъ кого либо изподлобья? —
спрашиваетъ цыганка, оглядываясь сама во
всѣ стороны.

— Нѣтъ никто, —отвѣчаютъ всѣ въ одинъ
голосъ.

— То то-же, дѣлайте, какъ я говорю, ина-
че-же все дѣло испортите, —говоритъ она,
снова поглядывая на нихъ.

— Слушаемъ, —говорятъ хозяева и при-
бавляютъ въ нетерпѣніи: —дѣлай то, что
дальше слѣдуетъ.

— Креститесь, —приказываетъ цыганка.

— Всѣ крестятся.

— Теперь говорите за мной, —опять прика-
зываетъ она, —колупъ масло!..

— Колупъ масло! —повторяютъ за ней ле-
жащіе на землѣ.

— Колупается масло! снова возглашаетъ
она.

— Колупается масло, —слышится повто-
реніе.

— Выколупывается масло! восклицаетъ цы-
ганка уже громче и снова, приподымаясь,
оглядываетъ лежащихъ.

— Выколупывается масло,—раздается повтореніе недвигающихся хозяевъ.

— Колупается до дна! восклицаетъ цыганка.

— Колупается до дна! повторяется покорно лежащими.

— Остается махоточка одна! опять восклицаетъ цыганка.

— Остается махоточка одна! снова покорно слышится повтореніе.

— Вотъ и ладно! говоритъ цыганка.—Теперь-же остается самое главное,—вызвать злодѣя. Слушайте-же: не поднимайтесь и не смотрите; я схожу въ сѣни, сдѣлаю, что нужно и вернусь съ злодѣемъ, если не будете до меня подыматься.

— Слушайте-же, не будете подыматься? говоритъ она строго, уходя.

— Не будемъ! какъ-бы замирая отъ ожиданія, повторяютъ хозяева и не шевелятся.

И такъ они долго лежали и вслушивались; и только поднялся хозяинъ, какъ хозяйка чуть не крикнула: вѣдь цыганка сказала,—«встанете, все дѣло напортите»

Но хозяинъ вышелъ въ сѣни—тамъ никого, оглядѣлъ дворъ—тоже никого, но калитка открыта; онъ полѣзъ и на чердакъ къ трубѣ посмотрѣлъ и туда, сюда; вышла и хозяйка съ дѣтьми, а цыганки и слѣдъ простылъ; ее уже въ таборѣ не было, который собирался для переѣзда куда-то на другое мѣсто.

По рукѣ они гадаютъ такимъ образомъ: «Ручка твоя счастливая,—хватая за руку, говоритъ цыганка, собирающаяся кому либо гадать,—таланливая,—продолжаетъ она приговаривать,—а только ты отъ добраго отца пошелъ; есть у тебя счастье, знаютъ тебя добрые люди, любятъ начальники и господа, а видишь вотъ ты,—злые люди по зависти нападаютъ и налегаютъ на тебя... Дай-ка какую нибудь вещицу,—я наговорю на нее дома!»

Взявъ, что цыганкѣ дадутъ, она продожаетъ: — А вотъ я тебѣ еще травочку дамъ; на-ворожу на нее, носи ее на крестѣ, и будетъ тебѣ счастье и таланъ!.. Ну, а тебѣ не жаль того, что ты дала мнѣ?—спрашиваетъ лукаво поглядывая изподлобья, цыганка.

— Ступай! говоритъ она уже въ заключе-ніе своего гаданья,—съ веселымъ видомъ и, обращаясь къ гадающему, или къ гадавшей приговариваетъ:

— Счастье и таланъ будутъ у тебя въ глазахъ

Уходя-же она заканчиваетъ свое гаданье такъ:

— «Буйные вѣтры, унесите печаль-тоску (такого-то или такой-то) за синее море, за океанъ!»

И съ этимъ послѣднимъ возгласомъ она скрывается.

Но она не можетъ явиться въ таборъ, или къ себѣ въ свой шалапъ съ пустыми руками;

иначе-же мужъ ее прибѣтъ, а дерутся они иной разъ невыразимо звѣрски. Такъ одинъ изъ изслѣдователей ихъ жизни, говоритъ: «Между цыганами не мало уродовъ. Иной разъ мужъ и жена дерутся дѣтьми. Отецъ возьметъ малютку и бьетъ имъ жену, а жена беретъ другаго ребенка и этимъ послѣднимъ отражаетъ удары мужа.»

Помимо-же руки, цыганки гадаютъ: на картахъ, на водѣ, на куреніи разныхъ травъ, пускаютъ на вѣтеръ волосъ гадающаго, сжигаютъ его на огнѣ надъ очагомъ или костромъ и т. д.

А старухи-цыганки, кромѣ гаданья, занимаются и врачеваньемъ, но врачеванья ихъ, какъ и гаданья, никакой, конечно, пользы не приносятъ. Онѣ обыкновенно врачуютъ: нарывы — прижиганьемъ, раскаливая желѣзо, или разжигая трутъ, а внутренніе и другіе болѣзни разными настоями сулемы, мышьяка, киновари и разныхъ травъ.

Гаданья, ворожба и врачеванье,—это главное занятіе замужнихъ женщинъ и старухъ, какъ пѣніе и пляска дѣвушекъ и парней.

При гаданьи цыганки прибѣгаютъ еще и къ вину, которое какъ и табакъ цыгане очень любятъ и при которомъ, напившись, цыганка—ворожея дѣлается какъ-бы пророчицей и въ опьяненіи, или въ безсознательномъ состояніи, она какъ-бы чувствуетъ присутствіе другой духовной жизни, что-то пророческое

для будущаго и въ затменіи разсудка предвѣщаетъ всякій вздоръ; и цыгане слушаютъ ее съ большимъ вниманіемъ и смотрятъ на такую пророчицу съ уваженіемъ.

Музыка и особенно пѣніе цыганъ славятся испоконъ вѣковъ. Еще въ древности съ XVI вѣка извѣстны въ Европѣ имена цыганъ-артистовъ: то есть музыкантовъ, а также и пѣвцовъ, особенно же пѣвицъ и плясунговъ съ плясуньями.

Музыка у нихъ употребляется вездѣ: при пляскахъ, при показываніи медвѣдей и другихъ звѣрей, а также и въ давніе времена при смѣшныхъ, торжественныхъ въѣздахъ въ нѣкоторые города (съ оркестромъ впереди) и во всякихъ другихъ случаяхъ, не исключая и показыванія фокусовъ, гаданья и пр.

При пѣніи цыганъ, когда они поютъ передъ публикой, замѣтно не столько ихъ желаніе-угодить слушателямъ, сколько самимъ себѣ; они совершенно равнодушны ко мнѣнію публики. Они поютъ какъ-бы для собственнаго услажденія. Знаменитый европейскій музыкантъ Листъ говоритъ такъ о цыганскомъ пѣніи: «Приложивъ къ груди инструментъ, цыганъ точно вливаетъ въ него свою душу. Иногда цыганъ сочиняетъ или играетъ (импровизируетъ) въ какомъ-то яростномъ увлеченіи; но при этомъ его фізіономія остается совершенно безстрастной, пока наконецъ крупныя сле-

зы не покатыя изъ его глазъ и не оросятъ струнъ его инструмента».

И въ его пѣніи всегда звучить то тоскливый разгулъ погибшаго счастья, то въ ноющихъ звукахъ безпредѣльная женская ласка. Знаменитый музыкантъ Листъ, посѣщая Москву и назначивъ свой концертъ въ Большомъ Московскомъ театрѣ, гдѣ собралось нѣскольکو тысячъ народа, такъ заслушался разъ за городомъ пѣнія цыганскаго хора и пришелъ въ такой восторгъ, что забылъ про концертъ, а, явившись въ театръ и на сцену довольно поздно, чтобы играть передъ долго ожидавшей его публикой, вызвалъ хоръ цыганъ, снявъ съ себя всѣ ордена которыми была увѣшана вся его грудь, отдалъ ихъ запѣвалъ хора Ильѣ Соколову, а затѣмъ Листъ сѣлъ играть и сталъ передъ публикой играть на музыку слышанную имъ цыганскихъ пѣсень: «Не одна во полѣ дороженька», «Ты не повѣришь, какъ ты мила», — этой игрой публика заслушалась и забыла про все то, что Листъ долго не являлся на концертъ въ театръ.

А знаменитая всемірная пѣвица Каталани, посѣщая Москву, не разъ со слезами слушала цыганку пѣвицу Таню, и въ одинъ прекрасный вечеръ она подозвала Таню и снявъ съ себя тысячную индійскую кашемировую шаль, которую подарилъ ей какъ первой пѣвицѣ въ мірѣ, папа римскій, Каталани

ни отдала Танѣ и сказала: «Не я, а вы первая пѣвица въ мірѣ, и поэтому подарокъ Его Святѣйшества — папы принадлежитъ вамъ». Знаменитаго-же нашего поэта А. Пушкина Таня доводила своимъ пѣніемъ до истерическихъ припадковъ.

И хоровое пѣніе цыганъ пользовалось въ Россіи—Петербургѣ и Москвѣ общимъ интересомъ. Оно началось со временъ Екатерины Великой, когда впервые завелъ такой хоръ у себя вельможа и богачъ Орловъ, этимъ хоромъ заслушивались и Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, Зубовъ и другіе русскіе вельможи.

У Ильи Соколова въ хору была извѣстная также въ Москвѣ и плясунья Стеша. И цыганская пляска также славится съ давнихъ временъ, и надо видѣть, какъ цыганка плясунья, при своей дикой, вертлявой пляскѣ возьметъ на плечи длинную шаль, и какъ она, играя ея концами во все время пляски, быстро летаетъ на извѣстномъ разстояніи, притопывая ножкой; и какъ затѣмъ цыганъ плясунъ съ прерывающимися возгласами и чиканьемъ поидетъ плясомъ за ней; но онъ пляшетъ больше, какъ-бы стоя на мѣстѣ, цыганка-плясунья подергиваетъ дробью плечикомъ и носится изъ угла въ уголъ, а цыганъ-плясунъ просто пошевеливаетъ только плечами, да притопываетъ одною ногою,—что вмѣстѣ съ музыкой и пѣніемъ выходитъ все-таки вполне прекрасно и ловко, и живо и благородно.

Не смотря однако на это прекрасное и выдающееся качество цыганъ, все-таки во всѣхъ другихъ отношеніяхъ и занятіяхъ, они заслужили по своимъ дѣйствіямъ общее презрѣніе и общую непріязнь.

Одинъ изъ изслѣдователей—писателей ихъ жизни говоритъ: «Какъ Римскій Императоръ Титъ считалъ потеряннымъ тотъ день, въ который онъ не сдѣлалъ кому нибудь добро, такъ и цыганъ считаетъ также потеряннымъ тотъ день, когда онъ не сдѣлаетъ зла, то есть—не надуетъ или не украдетъ...

Земледѣліе—это ихъ отвращеніе; они убѣгаютъ отъ него, не смотря на все содѣйствіе и денежныя пособія нашего правительства.

Ихъ главное занятіе, — это: скитаніе подъ окнами, воровство, обманъ, а затѣмъ кузнечный промыселъ и торговля лошадьми.

Кузнечный промыселъ явился у нихъ вслѣдствіе скитанія ихъ съ мѣста на мѣсто, причемъ имъ необходимы одно: лошадь и телѣга; и вся ихъ кузница—переносная, ограничивающаяся самыми простыми, незатѣйливыми инструментами: мѣхъ, низенькая наковальня, молотъ и кусокъ какого либо стараго или украденнаго желѣза.

Но въ конокрадствѣ и въ торговлѣ, или обманѣ покупателя лошадьми, они довели свое мастерство до такого искусства, что для нихъ ни почемъ никакіе замки и запоры. Сломать,

или перепилить желѣзо, вынуть притолки, разобратъ стѣну,—это для нихъ весьма обыкновенная и простая работа.

Покупка же лошадей у цыганъ,—это крайне рискованно: лошади у цыганъ, если въ рѣдкихъ случаяхъ и не принадлежатъ къ числу краденыхъ, то ужъ навѣрное съ какимъ-нибудь порокомъ: или очень стары, или съ норвомъ, или-же страдаютъ какою-либо болѣзнью, что мы и отмѣтили въ рассказѣ о несчастномъ мужикѣ, у котораго все пропадали лошади и къ которому тѣми-же цыганами была подослана цыганка—гадалка.

При продажѣ калѣченныхъ лошадей, цыганъ поступаетъ такъ; если лошадь стара,—онъ подпилилъ ей зубы и нажжетъ въ нихъ чернядь, какъ бываетъ чернядь только у молодой; больную, исхудалую и лѣнивую онъ сдѣлаетъ сытою и горячей: ему стоитъ только въ задъ лошади надуть дудкою воздухъ, или напоить ее отваромъ изъ травы *канатонъ*, или-же просто отхлестать сильно нагайкой, а не то искалѣчить самому, то-есть гвоздемъ или шиломъ сдѣлать ей незамѣтные наколы подъ хвостомъ, или въ ушахъ,—и тогда лошадь вдругъ заржетъ, заскребеть ногами и никого къ себѣ недопуститъ. Бываютъ случаи и такого рода, что, осматривая лошадь у какого-нибудь продавца, цыганъ надуеъ лошади ноздри, незамѣтно для хозяина, щетиной или волосомъ по глубже и на другой день у лошади

дѣлается какъ-бы сильный сапъ, а не то вдвинетъ подъ копыто занозу или гвоздь, и лошадь на другой день захромаетъ. Продавецъ въ отчаяніи и старается сбыть лошадь за что попало; онъ идетъ къ тому-же покупателю цыгану; но какъ только семья цыгана увидала лошадь, начался вопль, крикъ дѣтей, всякія отговоры цыгана отъ покупки, но цыганъ, купивъ лошадь за безцѣнокъ, очищаетъ ей легко ноздри, точно также ноги отъ занозъ, и тутъ-же перепродаетъ лошадь уже здоровую въ другія руки за двойную цѣну. А при продажѣ, или обмѣнѣ лошадей, семья тоже вмѣшивается и тоже дѣлаетъ свое дѣло.

Семья цыгана старается какъ-бы удержать его отъ продажи лошади; ребята первые поднимаютъ крикъ и вой, завѣряя всѣхъ и каждого, что эта лошадь ихъ доморощенная, отличная, что имъ больно разстаться съ нею, и цыганъ-отецъ какъ-бы останавливается, раздумываетъ—продать, или нѣтъ; но, когда еще что-либо ему надбавить покупатель въ цѣнѣ, онъ, вдругъ, какъ-будто съ отчаяньемъ, бьетъ по рукамъ и восклицаетъ: «Эхъ-ма, была не была!» и такимъ образомъ продѣлываетъ ловкую свою продажу.

У одного господина, страстнаго любителя лошадей, былъ въ числѣ прочихъ, вороной жеребецъ лѣтъ четырехъ. Лошадь была во всѣхъ отношеніяхъ хорошая: много являлось на нее покупателей, но богатый господинъ и

не думалъ разставаться съ ней, подыскивая еще другую,—парную для дышловой упряжки. Вотъ на разсвѣтъ одного осенняго дня является къ нему какой-то незнакомый цыганъ и предлагаетъ купить у себя молодого вороного жеребца. Господинъ, обрадовавшись такому неожиданному случаю, вышелъ на дворъ и приказалъ цыгану подвести къ себѣ лошадь. Господинъ сейчасъ-же тщательно осмотрѣлъ у нея зубы, ноги и все прочее. Лошадь оказалась, сверхъ ожиданія, безупречною и цыганъ противъ обыкновенія не только не рассыпался въ похвалахъ ей, но даже, безъ всякаго требованія, вызвался предъявить и росписку на нее, засвидѣтельствованную въ какомъ-то волостномъ правленіи. Желая затѣмъ узнать: подойдетъ-ли лошадь подъ масть и ростъ къ его любимому вороному жеребцу, господинъ велѣлъ позвать къ себѣ кучера, но такъ какъ по разнымъ розыскамъ, его дома не оказалось, то господинъ и поручилъ тому-же цыгану, взявъ ключъ въ кухню отъ конюшни, подвести лошадей къ крыльцу, поставивъ въ рядъ ихъ обѣихъ. Онѣ оказались такой завидной парочкой, что любо дорого было и посмотрѣть на нихъ. Стали рядиться и господинъ быстро сошелся съ цыганомъ. Онъ отсчиталъ требуемыя цыганомъ деньги, и ему-же велѣлъ отвести обѣихъ лошадей на конюшню; въ восторгѣ-же отъ своего пріобрѣтенія, онъ пошелъ подѣлиться своей радостью

съ женой. Прошло однако часа два, какъ возвращается кучеръ домой, и, хотя былъ уже на веселѣ, но, по обыкновенію, отправляется чистить лошадей. Смотрить, что-же? Въ числѣ бывшихъ въ стойлахъ пяти лошадей, не оказывается гнѣдого жеребца, а вмѣсто него стоитъ чей-то чужой вороной конь. Кучеръ думая, что ужъ не мерещится-ли ему это спяная протираетъ глаза... но нѣтъ, дѣло ясно, какъ на ладони. Рѣшивши докончить чистку, онъ только сталъ чистить новокупленнаго барина коня, глядитъ: а на скребницѣ да на щеткѣ не то сажа, не то вакса; повелъ онъ по спинѣ коня рукою и ладонь оказалась у него грязною, какъ у трубочиста. По тщательномъ затѣмъ осмотрѣ оказалось, что лошадь была перекрашена въ черный цвѣтъ изъ господскаго гнѣдого того-же жеребца, который стоялъ на конюшнѣ и ради продѣлки съ которымъ кучера угощали въ трактирѣ и держали тамъ, пока дѣло цыганъ обдѣлывалъ.

Обрадовавшійся и расхваставшійся такимъ образомъ передъ женой господинъ такъ и остался при печальномъ интересѣ; а цыгане не только въ такихъ случаяхъ, гдѣ онъ обдѣлалъ дѣло на чисто, но и въ другихъ, болѣе для нихъ опасныхъ дѣлахъ, рѣдко когда боялся слѣдователя. При ласковомъ обращеніи съ нимъ можно еще рассчитывать на его откровенность и довѣрчивость, но очныя ставк

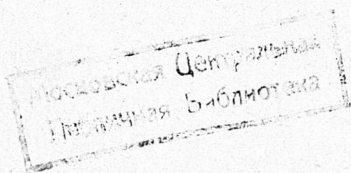
между цыганами только портятъ дѣло. Если слѣдователь не знаетъ ихъ *воровскаго*, (а у нихъ есть особый *воровской языкъ*), который рѣшительно никто не знаетъ и никому онъ непонятенъ, цыганы при такихъ случаяхъ очень ловко сговариваются и только клятва во имя умершаго для нихъ самая священная, такъ какъ они страшно боятся смерти. Нерѣдко для затрудненія слѣдствія цыганъ притворяется глухонѣмымъ, и тогда онъ до такой степени умѣетъ владѣть собою, что даже при неожиданномъ выстрѣлѣ за спиною онъ и глазомъ ни мигнетъ.

Цыганъ также беззащѣнно дѣйствуетъ во всемъ и всегда. Цыганъ, скажемъ въ заключеніе, совершенно особенный человѣкъ. О немъ нельзя судить съ точки зрѣнія просвѣщенія; онъ вполнѣ противоположенъ послѣднему; онъ не хочетъ имѣть съ нимъ ни малѣйшаго дѣла и даже презираетъ его.

Одинъ изъ извѣстныхъ европейскихъ писателей Либихъ, весьма подробно изучившій ихъ жизнь, ихъ бытъ, ихъ воззрѣнія и ихъ характеръ,—такъ отзывается о нихъ: «Въ противоположность евреямъ, которые всюду дѣятельны и всюду стараются о выгодѣ, цыгане лѣнивы, не помышляютъ о будущемъ и живутъ только однимъ днемъ. Въ отличіе отъ евреевъ, которыхъ называютъ *іерусалимскими дворянами*, цыгане гордятся названіемъ Императора Алек-

сандра I, который назвалъ ихъ *полевыми дворянами*.

Но они ни графы, ни герцоги, каковыми они себя называли въ отдаленные средніе вѣка въ Европѣ и не *полевые дворяне*, а просто *вольныя птицы*, которыя дѣйствительно не жнутъ, не сѣютъ и не собираютъ житницъ, но, не имѣя крыльевъ, они дѣйствуютъ руками.

ГДѢ НА РУС

И ЧѢМЪ

А 268
1245

не
дѣлать

С

И.

914
А46

З

рова.

ЦѢна 10 коп.

И

М. Манафидина
Добровка, Лялинъ пер., соб. домъ.
1901.

